

УДК 328

Н.А. Васильева*Севастопольский национальный технический университет**Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***ФРАНЦУЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТ: ОПЫТ АКТИВНОСТИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ**

Рассматривается политическая система Франции конца XVIII века. Выявляется расстановка и баланс политических сил во французском Национальном парламенте. Даются рекомендации по адаптации опыта Великой Французской революции к государствам, находящимся на ранних фазах политической модернизации.

Хорошо известно [1], что активность каждой политической силы располагается в плоскости задаваемой двумя векторами – экономикой (способ производства и распределения материальных благ) и политикой (способ организации государственно-политического управления национальными ресурсами). Этот факт проиллюстрируем схемой «4-х частного политического кода» (рисунок 1).

Рисунок 1 – Схема «4-х частного политического кода»

На схеме в виде секторов представлены четыре комбинации «политического курса» и «экономической линии». Различные политические системы, как существовавшие ранее, так и современные, могут быть охарактеризованы данной схемой. Схема «4-х частного политического кода» позволяет сравнивать не только различные типы политических систем, но и одну и ту же политическую систему в разные периоды времени, и различные типы политических систем в разных фазах демократизации. Французский Национальный Конвент представлял собой конгломерат политических сил. Динамика их лежала в либерально-консервативном секторе (жирондисты) и социал-консервативном (якобинцы-монтаньяры). Несмотря на то, что исторические аналогии имеют известную меру неопределенности, однако не лишено логики предположить, что и в украинском парламенте имеется несколько секторов активности участников политического процесса, а именно: национально-консервативный, либерально-демократический и социально-консервативный. А также и то, что большинство политических акторов располагают свою активность не в одном (на котором выстроена Конституция), а в нескольких секторах экономической и политической активности.

В самом деле, радикальное изменение сектора экономической и политической активности с одного на другой и есть революция. Когда существует несколько секторов, в которых располагается активность политических сил, это означает, что процесс социально-экономических, социально-политических преобразований еще продолжается. Таким образом конечной целью политической модернизации является формирование такой конфигурации, чтобы система могла самовоспроизводиться, ибо только в этом случае она становится стабильной.

Исторический опыт становления демократических республик свидетельствует, что это многофакторный процесс, который характеризуется высшей степенью неопределенности, отсутствием опыта принятия политических решений. И этот процесс не может быть кратковременным. Это заставляет обращаться к историческому опыту, в том числе и к опыту Великой Французской революции. Такой опыт

предшествующих эпох чрезвычайно важен. Но он имеет не политический, а исторический уклон. Особое значение для истории суждений о революции имеют сочинения, специально посвященные ее оценке. Первое место между ними принадлежит английскому политическому деятелю Э. Бёрку [1], «Размышления» которого надолго определили отношение английского общества к французской революции. Во Франции уже в конце XVIII века образовалась целая реакционная школа писателей, которые, будучи напуганы террором, поставили своей задачей дискредитировать принципы 1789 г. Между ними видное место принадлежит Ж. де Мэстру. Настоящая разработка истории революции сделалась сколько-нибудь возможной лишь тогда, когда события 1789-99 гг. достаточно отошли в область прошлого, и писать о них начали люди, не бывшие современниками этих событий. Первые такие исторические сочинения появились в эпоху Реставрации, когда либеральная буржуазия вела борьбу с клерикально-аристократической реакцией и из среды защитников политической свободы вышло несколько историков, с особым интересом занимавшихся прошлым третьего сословия, представительных учреждений и Англии, как главной их представительницы (Франсуа Гизо [2], Огюстен Тьерри [3], Арман Каррель и др.). В период господства буржуазии возникла во Франции демократическая оппозиция, с политической и социальной программами, и историография революции обогатилась новыми трудами в духе этой оппозиции. В 1834-38 гг. известный социалист Бюше, в сотрудничестве с Ру, издал сорок томов материалов под заглавием «Парламентская история революции»; они долго служили главным собранием документальных источников по истории революции, пока их не заменили «Archives parlementaires». Философия истории Бюше повлияла на Луи Блана, который в 1847-1862 гг. написал многотомную историю французской революции. Неизмеримо большее значение имеет «История французской революции» Мишле, вышедшая в свет в 1846-53 гг. Самым важным трудом в области изучения революции в эпоху Наполеона III является «Старый порядок и революция» Токвиля, с появления которого в 1856 г. начинается новый период в научной разработке истории революции. Вообще, после Токвиля началась более деятельная разработка истории старого порядка в трудах Бабо, Буато, Гулья, Гомеля, Рокена, Штурма, Валлона и др. Особое внимание было обращено на неудачные попытки реформ при Людовике XVI (в сочинениях Люсэ, Семишона, Лаверня и др.). Усилилась также работа над отдельными вопросами и эпизодами революции. В самом конце Второй империи во Франции было предпринято громадное издание материалов для истории революции под общим заглавием «Парламентских архивов» В 1876 г. вышел в свет первый том «Происхождения современной Франции» Тэна [4], содержащий в себе блестящую картину старого режима. Полную противоположность с Тэном в отношении к революции представляет Шере, автор оставшегося неоконченным труда «Падение старого порядка». Почти в одно время с трудом Шере появились первые тома сочинения Сореля: «Европа и революция» (1885; всего вышло четыре). Самым последним общим трудом по французской революции является пока «Учредительное собрание» Жореса, открывающее собой большую коллекцию «Histoire Socialiste» [5].

Насколько этот опыт применим к нынешним политическим системам? Нельзя исключать возможность употребления известных мировому опыту стандартов парламентаризма к национальной политической практике. Применимость этого опыта требует адаптации к конкретным историческим условиям. Современный литературный массив восходит к историческому осмыслению событий. В то время как основной политический вопрос о балансе политических сил слабо освещен. При его рассмотрении использованы методы исследования развития исторических событий, сравнения однотипных институтов в разное время. В качестве объекта исследования взята политическая система Франции. А предмет рассмотрения – французский Национальный парламент конца XVIII века.

Выборы в Национальный конвент, состоявшиеся в конце августа – начале сентября 1792 года, проходили в атмосфере сильного возбуждения, страха и насилия. После того как Лафайет 17 августа дезертировал, началась чистка армейского командования. В Париже арестовали многих подозреваемых, включая священников. Был создан революционный трибунал. 23 августа перед прусскими войсками без боя капитулировала пограничная крепость Лонгви, и слухи о предательстве привели народ в ярость. В департаментах Вандея и Бретань вспыхнули мятежи. 1 сентября поступили сообщения о скором падении Вердена, а на следующий день началась "сентябрьская резня" заключенных, продолжавшаяся до 7 сентября, в которой погибли около 1200 человек.

20 сентября впервые собрался Конвент. Первым его актом от 21 сентября стала ликвидация монархии. Со следующего дня, 22 сентября 1792, начал отсчет времени новый революционный календарь Французской республики. Большинство членов Конвента составляли жирондисты, наследники бывших бриссотинцев. Основными их противниками стали представители бывшего левого крыла – якобинцы во главе с Дантоном, Маратом и Робеспьером. В Национальном Конвенте жирондисты занимали правую сторону, они имели около 200 мест; левая вся состояла из якобинцев-монтаньяров, они имели свыше 100 мест, а центр («равнина, Болото») – из нерешительных людей, колебавшихся между двумя крайними партиями. Всего Конвент насчитывал 749 депутатов [6, с. 394].

И жирондисты, и якобинцы были демократами и республиканцами, поклонниками Руссо и идеализированных республик классической древности, но в то же время расходились между собой в весьма важных пунктах. Жирондисты были горячими защитниками свободы личности и боялись всемогущества государства, хотя бы и в республиканской форме; вместе с тем они вообще не сочувствовали насилию народных масс. Поэтому они вступили в борьбу с новым городским советом и с Дантоном, которых обвиняли в сентябрьской резне. Наоборот, монтаньяры стояли за политику устрашения («террор»), за непосредственное действие народных масс против всех несогласно мыслящих, за вооружение государственной власти самыми неограниченными полномочиями и за подавление стремления к личной свободе.

Жирондисты подняли вопрос о суде над королём. Якобинцы крепко ухватились за эту мысль. Робеспьер прямо заявил, что тут дело не в суде, а в политической мере и что «Людовик должен умереть, дабы жила республика». Это откровенное заявление испугало жирондистов. Они придумали средство спасти короля, предложив отдать приговор Конвента на утверждение народа; но якобинцы этого-то как раз и боялись. Начался процесс, во время которого Людовик XVI держал себя с большим достоинством. Жирондисты не имели достаточно гражданского мужества, чтобы спасти его от казни. Громадным большинством голосов «Людовик Капет» был признан виновным в заговоре против свободы нации и против общей безопасности государства; апелляция к народу была отвергнута тоже значительным большинством (между прочим – и голосами многих жирондистов), но лишь незначительное большинство высказалось за смертную казнь Людовика XVI. Приговор был приведён в исполнение 21 января 1793 г.

Система устрашения, или террора, получала все большее и большее развитие; жирондисты хотели положить ему конец, но монтаньяры стремились его усилить, опираясь на якобинский клуб и низшие слои парижского населения (так называемых санкюлотов). Монтаньяры искали только повода для расправы с жирондистами. Весной 1793 г. Дюмуре бежал за границу с сыном герцога Орлеанского (Филипп Эгалите), которого хотел, при помощи войска, посадить на французский престол (он стал королём Франции только в 1830 как Луи-Филипп I). Это было поставлено в вину жирондистам, так как Дюмуре считался их генералом. Внешняя опасность осложнялась внутренними междоусобицами: той же весной в Вандее и Бретани (северо-западный угол Франции) против Конвента вспыхнуло большое народное восстание, под предводительством священников и дворян. Для спасения отечества Конвент велел набрать триста тысяч человек и дал системе террора целую организацию. Исполнительная власть, с самыми неограниченными полномочиями, была вручена Комитету общественного спасения, разославшему по провинциям своих комиссаров из числа членов Конвента. Главным орудием террора стал революционный суд, который решал дела быстро и без формальностей и приговаривал к смертной казни на гильотине часто на основании одних лишь подозрений. По подстрекательствам партии монтаньяров в конце мая и начале июня толпы народа дважды врываются в Конвент и требовали исключения жирондистов, как изменников, и предания их революционному суду. Конвент уступил этому требованию и исключил наиболее видных жирондистов.

Одни из них бежали из Парижа, другие были арестованы и преданы революционному суду. Ещё более усилился террор, когда поклонница жирондистов, молодая девушка Шарлотта Корде, убила кинжалом Марата, отличавшегося наибольшей кровожадностью, а в Нормандии и некоторых крупных городах (в Бордо, Лионе, Марселе, Тулоне) вспыхнули восстания, в которых приняли участие и бежавшие жирондисты. Это дало повод обвинять жирондистов в федерализме, то есть в стремлении раздробить Францию на несколько союзных республик, что было бы особенно опасно ввиду иностранного нашествия. Якобинцы, поэтому, энергично стояли за крепко централизованную «единую и нераздельную республику». После падения жирондистов, из которых многие были казнены, а некоторые кончили жизнь самоубийством, господами положения сделались якобинские террористы с Робеспьером во главе. Францией управлял Комитет общественного спасения, распоряжавшийся государственной полицией (Комитетом общей безопасности) и конвентскими комиссарами в провинциях, которые везде организовали из якобинцев революционные комитеты. Незадолго до своего падения жирондисты выработали проект новой конституции, якобинцы переделали его в конституцию 1793 г., которая была принята на всенародном голосовании. Господствовавшая партия решила, однако, не вводить её, пока не будут устранены все враги республики.

Декретом 10 декабря 1793 г. временное правительство Франции было объявлено «революционным до заключения мира». Якобинцы опирались главным образом на мелких ремесленников и на рабочих столицы, в пользу которых Конвент издал закон о максимуме цен на продукты, угрожая обвинением в государственном преступлении всякого, кто стал бы продавать продукты дороже или вовсе не пускать их на рынок. Конвент со страшной энергией и быстротой подавил восстания в провинциях. При осаде Тулона, предавшегося англичанам, особенно отличился молодой артиллерийский поручик Наполеон Бонапарт.

После ликвидации жирондистов на первый план вышли противоречия Робеспьера с Дантоном и крайним террористом Эбером. Весной 1794 г. сначала Эбер и его последователи, а потом и Дантон были

арестованы, преданы революционному суду и казнены. После этих казней Робеспьер уже не имел соперников.

Шло усиление террора: революционный суд получил право судить членов самого Конвента без разрешения последнего. Однако когда Робеспьер потребовал новых казней, не называя имён тех, против кого готовился выступить обвинителем, то напуганное этим большинство самих террористов низвергло Робеспьера и его ближайших помощников. Это событие известно под названием 9-го термидора (27 июля 1794 г.). На другой день Робеспьера казнили, а с ним и главных его приверженцев (Сен-Жюста, Кутона и др.).

После переворота 9 термидора, свергнувшего Робеспьера и его соратников, стало очевидно, что их победившие противники, которых обычно называют термидорианцами, не имели никакого заранее продуманного плана политических реформ. Они ослабили власть Великих Комитетов Конвента, отменили Максимум, прекратили гонения против церкви, начали демонтаж системы террора. Однако продолжала действовать система временного революционного правительства, во многом сохранялась революционная фразеология, а значит, можно было думать, что революция продолжается.

Свергнув якобинцев, Франция так и не получила долгожданной стабильности: политические репрессии и развал в экономике усугубляли тяжелое положение населения в голодную зиму 1794/1795 годов. В этих условиях и общественное мнение, и депутаты Конвента начинали видеть выход не в разрозненных мероприятиях, направленных против наследия якобинцев, а в окончании революции и создании нового государственного устройства. Однако закончить революцию для большинства современников означало дать стране конституцию. Помимо этого, необходимо также учесть, что изначально и самой главной миссией Конвента и было принятие Конституции. Как известно, разработанная депутатами Конституция 1793 года была одобрена всенародным голосованием, но не вводилась в действие в условиях войны, когда действовала система "революционного" то есть внеконституционного правления.

Особый накал политической борьбы весной, летом и осенью 1795 года определялся, прежде всего, тем, что именно тогда Конвент стал пересматривать основы государственного устройства Франции. Это, с одной стороны, вызвало ожесточенное противодействие сторонников якобинской Конституции, а с другой, – позволило роялистам надеяться использовать ситуацию для осуществления своих планов захвата власти.

Термидорианцы решили отказаться от уже принятой, но не применявшейся Конституции 1793 года во многом потому, что она, провозгласив право народа на восстание, допускала легальную возможность прямого действия со стороны низших слоев населения, не предоставляя достаточных гарантий стабильности и собственности. Кроме того, в Декларации прав и в самой Конституции содержалось немало статей, делающих ее, с точки зрения термидорианцев, практически неприменимой (организация работы первичных собраний, усложненное утверждение законопроектов и т.д.). По их мнению, это была конституция, принятая, чтобы оправдать насильственный захват власти якобинцами. Сохраняя право на восстание, она открывал дорогу любым мятежникам, которые захотят в будущем свергнуть установленный ею режим. Политики, вставшие во главе республики после 9 термидора, стремились как можно быстрее покончить с революционным способом управления страной. Они считали, что общество уже устало от шести лет революционных бурь и нуждается в спокойствии и стабильности.

После переворота 9 термидора политические и идеологические течения оставались, по большей части, неорганизованными. Якобинский клуб и его филиалы на местах были закрыты, роялистское подполье не могло претендовать на массовую организацию. Единственным более или менее организованным проявлением оппозиции можно считать вандейский мятеж, но и его участники не придерживались единых взглядов, представляя собой сложный конгломерат как антиправительственных, так и антиреспубликанских настроений.

Политических партий в современном смысле слова тогда, не было, однако изучение переписки Конвента и публицистики позволяет выделить три хотя и неоформленных, но реально существовавших в обществе, крупных идейно-политических течения.

Центральное место занимали находившиеся у власти термидорианцы и их единомышленники, называвшие себя "патриотами 89-го года". Они стояли на республиканских позициях и выступали за прекращение революции, при сохранении ее основных политических и социально-экономических завоеваний. На левом фланге политического спектра термидорианцам противостояли сторонники возвращения к режиму якобинской диктатуры. Однако после подавления восстаний в Жерминале и Прериале, якобинцы, потерпев поражение, перестали представлять организованную силу, хотя и не утратили полностью своего влияния в провинции. Эти слои связывали свое благополучие, в первую очередь, с системой чрезвычайного правления, при которой официально подчеркивался примат народа и добродетельность бедности.

На противоположном фланге находились сторонники королевской власти – от ультрароялистов, выступавших за полное и безоговорочное возвращение к Старому порядку, до конституционных

монархистов, стремившихся возвести на трон такого короля, который мог бы, одобрив Конституцию, примирить и сплотить общество. Им сочувствовал и ряд депутатов Конвента. Если ультрароялисты имели мало шансов на победу, что убедительно показало дальнейшее развитие истории Франции, то конституционные монархисты, по-видимому, имели в 1795 году две возможности возглавить страну. Одна из них была связана с фигурой малолетнего Людовика XVII, при котором можно было бы организовать регентство с участием умеренных депутатов Конвента и тем самым примирить старые и новые власти. После его смерти в июне 1795 года конституционные монархисты стали связывать свои надежды с предстоящими выборами, но декреты Конвента о двух третях сделали невозможным их приход к власти легальными парламентскими методами (по крайней мере в течение первой легислатуры (срок сессии Парламента) Законодательного корпуса).

Если существование во французском обществе того времени политических группировок или "факций" (синоним политической партии в презрительном смысле) (используя термины эпохи) не вызывает сомнений, то внутри Национального собрания они себя прямо не проявляли.

Якобинцы, не изменившие своим убеждениям, были уже изгнаны из Конвента, а роялистам, согласно существовавшему тогда закону, запрещалось открыто требовать восстановления монархии. В результате оказалось невозможным выявить политические группировки в термидорианском Конвенте по результатам поименных голосований или по выступлениям депутатов.

Однако среди термидорианцев существовал ряд разногласий, хотя в основном по тактическим вопросам, тогда как в отношении принципиальных проблем Конвент, в итоге дискуссии по проекту нового основного закона, пришел к консенсусу, одобрив и сам текст Конституции III года, и чрезвычайные меры для сохранения Республики – декреты о двух третях. (Так называемые "декреты о двух третях", определявшие, что две трети депутатов нового первого созыва будут состоять из бывших членов Конвента, независимо от того, победят ли они на выборах).

Письма и петиции, поступавшие в комитеты Конвента и Комиссию одиннадцати, показывают, что среди их авторов (иными словами, людей, которых волновало будущее государственное устройство страны) единодушия не было. В результате, составленные за пределами Национального Собрания проекты фактически, в большинстве своем, учтены не были. Лишь некоторые из высказанных в них идей вошли в Конституцию: отсутствие права на восстание, введение имущественного ценза, института выборщиков, двухпалатного парламента, частичного (а не полного) обновления законодательного корпуса. Однако нет оснований говорить, будто предложение присылать свои проекты было лишь игрой в демократию. Скорее, они служили не базой для будущей конституции (как на это надеялись их авторы), а своеобразным индикатором, указывающим слабые места, как старого, так и нового текста, наиболее популярные идеи и мысли.

К тому же если проекты в целом и не были учтены, то в ходе дискуссии многие депутаты показали себя реальными «представителями народа» – огромное количество встречавшихся в переписке Комиссии мыслей, дополнений и уточнений были высказаны, независимо от этого, и с трибуны Конвента. Анализ дискуссии вокруг принятия конституции показывает, что термидорианцы разрабатывали свой проект, опираясь, прежде всего, на опыт шести предыдущих лет революции. Решение ими вопроса о власти было однозначным: «Ни роялизма, ни анархии!». И они старались сделать все, чтобы не допустить возвращения ни Старого порядка, ни якобинской диктатуры. Их целью было создание как можно более прочной системы государственного устройства, и этому должно было, по их мысли, послужить разделение властей на законодательную и исполнительную, также как и разделение самого законодательного корпуса на две палаты – Совет пятисот и Совет старейшин (с правом у первого предлагать законопроекты, а у второго – принимать по ним окончательные решения).

Новая Конституция должна была гарантировать, в первую очередь, права собственников и неприкосновенность приобретенных в годы революции национальных имуществ. Хотя в соответствии с требованиями просветителей Конституцию III года вынесли на референдум (проводившийся всего второй раз в истории Франции), полностью доверить судьбу страны ее гражданам законодатели не решились. Они ввели двухступенчатую систему выборов, настояли на утверждении законопроектов самим Законодательным корпусом, приняли декреты об обязательном переизбрании двух третей членов Конвента, заранее предопределив состав будущего парламента.

Во всей деятельности термидорианцев ощущалось постоянное противоречие между признаваемым ими в теории образом народа-суверена, которому принадлежит вся власть и который один может избирать своих представителей, и реальным, пугающим их, народом, восстания которого привели к свержению монархии и победе якобинцев; народом, который требовал "Хлеба и Конституции 1793 года" и насаживал на пики головы депутатов. В поисках выхода термидорианцы настойчиво пытались каким-то образом поделить народ на "чистых" и "нечистых"; на тех, кто будет поддерживать Конституцию, выступая за стабильность, и тех, кто станет с ней бороться. Они считали, что основной опорой нового режима должны стать собственники и просвещенные граждане, так как именно эта категория людей более всего заинтересована в прочной и твердой власти.

Анализ дискуссии по Конституции III года дает материал и для ответа на вопрос, чем была, с точки зрения термидорианцев, сама революция. Для них это отнюдь не только политический акт, но и важнейшее социальное преобразование, плоды которого необходимо сохранить, не допуская нового предела собственности.

Итоги референдума и выборов 1795 года показали, что большая часть населения хотела стабильности и была готова пойти едва ли не за любой силой, которая бы ее реально пообещала. Именно эти люди приняли Конституцию III года (1.057.390 голосов за, 49.978 – против), может быть, за неимением лучшего или с надеждой на приход к власти умеренных монархистов парламентским путем. Это подтверждается и малым количеством голосов, отданных за декреты о двух третях (205.498 – за, 108.754 – против; 19 департаментов отвергли декреты), сторонниками которых были, пожалуй, лишь "патриоты 89-го года". Не противоречат этой расстановке сил итоги выборов, для оценки которых воспользуемся цифрами, приведенными в известной статье Ж.-П. Сюратто. Если рассматривать лишь ту треть, которая была избрана в соответствии с конституцией, то нельзя отрицать победу конституционных монархистов (68 депутатов), рассматриваемых избирателями как удачный компромисс между республиканцами, в которых нередко видели наследников якобинцев (56 депутатов) и сторонниками абсолютной монархии (49 депутатов). Естественно, в оставшихся двух третях, избранных по декретам, расклад голосов иной: 389 республиканцев и всего 44 роялиста (избранных, однако, среди депутатов Конвента!).

С принятием Конституции III года был закончен важный этап в истории революции, этап подведения итогов и переосмысления ценностей.

Термидорианцы, поддержанные населением Франции, сделали выбор в пользу сохранения республики при гарантиях стабильности и отсутствия дальнейших перемен. Деятельность Конвента на этом закончилась; он самораспустился и передал власть Директории.

Таким образом, мы видим, что у политических сил, которые составляли Национальный Конвент был очень большой размах активности. Каждая политическая группировка в начале демократических преобразований работала в своем секторе, следовательно, у них были и разные цели, разные представления о способах их достижения. То есть все политические силы действовали в разных секторах политической активности (от коммунистического до либерального). Поэтому и возникли сложности с формированием большинства в парламенте, равно как и правительства.

Для создания стабильной политической системы необходимо определение базы компромисса, так как всякая парламентская система основана на коалиции. А прийти к созданию коалиции можно только в случае объединяющей все политические силы идеи организации социальной жизни. Иначе говоря, следует добиться, чтобы все участники политического процесса должны располагать свою активность в рамках одного разрешенного сектора, включающего политический курс и экономическую линию. Способы достижения цели могут быть различными. Но общая цель должна быть объективна и признана всеми участниками парламентских объединений.

Французские политики не искали компромисса, не пытались решать вопросы в стенах Парламента, а стремились решать проблемы на улицах и площадях, опираясь на народ и толпу. Это учит современных политиков стремиться к институализации принятия политических решений.

Несмотря на то, что со времен Великой Французской революции прошло более 200 лет, опыт Национального Конвента для современных политических систем имеет немаловажное значение. Эти процессы затрагивают и те государства, где в последние годы имела место полномасштабная социально-политическая модернизация. Именно так разворачивались события в России в 1993 г., в Белоруссии – 1994г., а равно как и на Украине в 2004-2007 гг. Для того чтобы образовать эффективное большинство в парламенте, для баланса политических сил, все политические силы должны прийти к компромиссу образующего конфигурацию политической системы. Все политические силы должны быть поставлены в условия, когда они будут заинтересованы в сохранении национального суверенитета государства. Эти условия сводятся к достижению *истоновских* условий формирования стабильности политической системы [8]. Распределение ресурсов должно быть эффективным, а эффективность заключается в таком распределении ресурсов, при котором существует возможность выживания индивида и общества в целом. Распределение ресурсов должно быть легитимным, то есть, чтобы оно представлялось обществом в качестве обязательного, эффективного и авторитетного. Когда все политические силы примут на себя обязательства, и не только примут, но и будут неукоснительно им следовать, только тогда в вопросах парламентаризма возможно достижение и сохранении стабильности существования, избранной народом демократической политической системы.

В противном случае страна, решившаяся на демократическое развитие, будет одержима перманентным политическим кризисом.

Библиографический список

1. Чемшит А.А. Государственная власть и политическое участие / А.А. Чемшит. — К.: Украинский центр духовной культуры, 2004. — 528 с.
2. Берк [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые данные (29398 bytes) — М.: Энциклопедия «Кругосвет», 2000. — Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/krugosvet/1/1000604.htm?text=%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BA> 15.10.2007
3. Федосова Е. Франсуа Гизо [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые данные (46059 bytes). — М.: Вивовоко, 2000. — Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/GUIZOT.HTM> 15.10.2007
4. Плеханов Г.В. Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории (1895) [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые данные (41478 bytes) — М.: Маркс, 2002. — Режим доступа: <http://www.marxists.org/russkij/plekhano/1895/tierry.htm> 15.10.2007
5. Search. Olipi.com [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые данные (9502 bytes) — М.: Литполит, 2004. — Режим доступа: <http://olipi.com/66601/TEN-Ippolit.html> 15.10.2007
6. Жорес Ж. Русская Викиславия [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые данные (18216 bytes) — М.: Викиславия, 2000. — Режим доступа: http://ru.volgota.com/index.php/Жорес%2С_Жан
7. Карлейль Т. История Французской революции / Т. Карлейль. — М.: Мысль, 1991. — Ч. 1. — 575 с.
8. Тихомиров С.И. Политический процесс: теория и практика. Учеб. пособие / С.И. Тихомиров. — Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2002. — 224 с.

Поступила в редакцию 10.05.2007 г.